

Логическое и историческое

Философская энциклопедия, т. 3, с. 242-245

– категории материалистической диалектики, выражающие отношение теоретического воспроизведения закономерности развития в ее всеобщих характеристиках (логическое) к процессу ее исторического развертывания в многообразии конкретных форм (историческое). Как универсальные характеристики логики и истории развития, логическое и историческое являются необходимой формой применения диалектического метода к построению действительно научной теории происхождения и развития всякого объекта. По определению Энгельса, логический метод исследования «...является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»¹.

Различие между логическим и историческим намечено уже у Аристотеля в его различении «первого по природе» («по сущности») от «первого по времени». По Аристотелю, последовательность теоретического рассмотрения не может и не должна быть простым повторением порядка смены явлений во времени, ибо с точки зрения разума действительность выглядит не так, как с точки зрения чувственного восприятия. Если для последнего исходным пунктом оказываются единичные вещи, то для разума – общие формы, категории, роды. Но поскольку именно разум открывает познанию истину, постольку порядок вещей в разуме также более истинен, соответствует подлинной картине рождения и развития вещей: «...сущность есть первое со всех точек зрения – и по понятию, и по познанию, и по времени»². Однако, отчетливо понимая различие чувственного и всеобщего, Аристотель оказался не в состоянии объяснить их единство как сторон единого процесса развития. Поэтому он противопоставил научное знание (*ἐπιστήμη*), как знание необходимого и всеобщего, мнению (*δόξα*) – чувственному знанию единичного. В этой апории Аристотеля обнаружилась основная диалектическая трудность проблемы.

На почве свойственного философии 17-18 вв. метафизического понимания природы, лишившего ее действительного развития во времени, проблема отношения логического и исторического не могла быть поставлена во всей полноте ее содержания. Рационалисты Нового времени решали проблему отношения всеобщего в действительности и в мышлении тем, что просто отрицали какое-либо различие между ними. У Декарта и окказионалистов они выражают две субстанции, в которых каждое [242] действие одной точно соответствует действию другой. У Спинозы эти субстанции преобразуются в атрибуты единой природы, так что связь идей оказывается тождественной связи вещей. Правда, у крупнейших мыслителей Нового времени имеются догадки о принципиальном родстве формы теоретической дедукции с представлением о развитии. Так, Декарт, приступая к построению своей системы мира, к выведению сложных явлений из простейших частиц, обосновывает свое право на такой способ построения теории следующим соображением: «Природу их (вещей. – *Ред.*) гораздо легче познать, видя их постепенное возникновение, чем рассматривая их как совершенно готовые»³. Принципиально верное решение проблемы отношения логической последовательности («порядка и связи идей») к последовательности рождения вещей в природе наметил Спиноза.

Другая форма решения проблемы отношения последовательности развития понятий к порядку изменений действительности представлена номинализмом Гоббса и сенсуализмом Локка, Кондильяка, а также субъективно-идеалистическими концепциями Беркли и Юма. Для этой позиции естественным оказывался взгляд, согласно которому логический порядок развития понятий диктуется лишь имманентной природой мышления и не стоит ни в каком отношении к последовательности развития предмета во времени. Проблема, таким образом, просто снимается с рассмотрения.

Наиболее полно проблема отношения логического и исторического стала перед философией лишь к началу 19 в. Наиболее значительным этапом в ее рассмотрении оказалась немецкая классическая философия, увенчанная системой Гегеля. Будучи идеалистом, Гегель рассматривал историю человечества, т.е. историю цивилизации, науки и нравственности, включая и производство материальной жизни, как внешнее проявление логической мощи разума. Эмпирическая история человечества с этой точки зрения неизбежно представляется как внешнее воплощение логического начала, как логическое, лишь развернутое во времени. Отказав природе в развитии, Гегель тем самым рассмотрел лишь один (и к тому же производный) аспект проблемы – вопрос об отношении логики развитого мышления к истории формирования этой логики. Историческое было представлено в его философии как несовершенная, искаженная форма логического. Однако в этой перевернутой форме впервые было установлено совпадение логической последовательности процесса развития понятий с научно понятой последовательностью исторического процесса, ибо логика развитого мышления есть на самом деле результат всей истории практического и духовного развития человечества, сокращенно-обобщенное отражение тех реальных всеобщих закономерностей, которым это развитие подчиняется.

Понимание роли исторического подхода к логически-теоретическому анализу было характерно для русских революционных демократов середины 19 в. См., например, у Н.Г. Чернышевского: «Без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»⁴.

Диалектико-материалистическое решение вопроса было дано Марксом и Энгельсом в результате критической переработки гегелевской концепции с позиций материализма и на конкретном материале политэкономической теории. Проблема в этом свете выступила более сложной, чем у Гегеля. На почве материализма вопрос стал так: в какой закономерной связи находится теория (т.е. логическое отражение предмета), во-первых, с историей самого отражаемого предмета и, во-вторых, с историей человеческих знаний о нем, с историей самой теории. Ясно, что прямого совпадения логического и исторического нет ни в том, ни в другом случае. Всеобщее (необходимое, законосообразное) в истории не существует само по себе, но только как объективная логика событий, протекающих во времени и несущих на себе непосредственные, в том числе и случайные, характеристики конкретно-исторических особенностей. Последние и образуют специфическую историческую форму объекта. Логически-всеобщее выступает в очищенном от исторической непосредственности виде, т.е. как логическая форма, только в теории. Но что означает и как достигается эта «очищенность»? Научный анализ вообще, как правило, «...избирает путь, противоположный их (т.е. объективных форм. – *Ред.*) действительному развитию»⁵; «...историческое развитие всех наук только через множество перекрещивающихся и окольных путей приводит к их действительной исходной точке. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем она заложила его фундамент»⁶. Анализируя историю математики (в «Математических рукописях»), Маркс

отмечает, что создатели математического анализа Ньютон и Лейбниц действовали с самого начала на почве дифференциального исчисления, однако не давая ему должного логического доказательства. Это было сделано лишь позже благодаря трудам ряда математиков – от Д’Аламбера, Эйлера и Лагранжа до Коши и Вейерштрасса, которые подвели под дифференциальное исчисление строгое основание в виде теории пределов и установили его связи с «нижележащими» разделами математики. Тем самым с некоторым запозданием были определены логически необходимые звенья единой системы математических знаний. То же самое можно обнаружить в истории любой науки. Так же обстоит дело и с теорией Дарвина. Открытием закона естественного отбора Дарвин обнаружил действительно всеобщий принцип биологического развития, который определяет процесс видообразования и тем самым представляет биологическую целесообразность как детерминированный процесс. Таким образом, был выдвинут единый логический принцип построения целостной системы биологических отношений. Однако, строго говоря, эта теоретическая система не была доведена Дарвином до ее истоков. Вопрос о природе и механизме наследственности не был им решен, исчерпывающего решения этого вопроса, которое бы выявило логическую связь между наследственностью и процессом видообразования, нет и до сих пор, хотя биохимия и генетика значительно продвинулись в изучении клеточных механизмов наследственности. Аналогичное положение наблюдается в настоящее время и в *космогонии*, где планетная космогония представляет уже развитую теорию, звездная же возникла совсем недавно.

Стало быть, совпадение логического и исторического есть не исходный пункт, а результат исторического развития знаний. Для теории это совпадение составляет цель, к которой она должна устремляться. Средством же ее достижения оказывается лишь критический анализ предшествующего развития теории. Непосредственно проблема отношения логического и исторического и встала перед Марксом в виде вопроса о способе критического преодоления ранее достигнутого теоретического понимания действительности: «критику политической экономии... можно было проводить двояким образом: исторически или логически»⁷. Это связано с тем, что возникновение новой теории, т.е. новой ступени логического отражения, необходимо связано с критическим преобразованием предшествующей ступени теоретического развития. В любом случае критика теории совершается через ее сопоставление с фактами, с действительностью. Различие же между логическим и историческим способами критики понятий (соответственно – особами теоретического анализа выраженных ими фактов) заключается в следующем: при историческом способе теория сопоставляется с теми самыми фактами, на почве которых она возникла, при [243] логическом же – фактами, наблюдаемыми на высшей ступени зрелости того же предмета. Избрав логический способ, Маркс, в частности, подверг критике трудовую теорию стоимости, развитую в начале 19 в., сопоставляя ее категории с действительностью середины 19 в. Этот способ имел явные преимущества перед историческим. Он позволял рассматривать каждое экономическое явление в той точке, где оно достигло полной зрелости и чистоты выражения, полно выявив свои тенденции и противоречия. Стоит указать хотя бы на кризисные явления. К тому же факты, современные Марксу, могли быть лучше и тщательнее проверены. Наконец, логический способ давал непосредственное теоретическое понимание современного экономического развития.

Здесь проявляется то закономерное отношение, в котором стоит новая теория (новая ступень логического развития) к истории ее подготовки. Старая теория и ее категории, будучи сопоставлены с фактами, наблюдаемыми и сегодня, на высшей точке развития предмета, предстает как неполное, одностороннее, абстрактное отражение конкретности и потому включается на правах абстрактного момента в новое логическое понимание. Она тем

самым снимается в составе более глубокого и полного понимания новой теории. Рациональное (объективное) содержание прежней критикуемой теории входит в состав новой теории и отбрасывается лишь представление, будто она была исчерпывающей, каковой она, естественно, казалась ее автору. Старая теория поэтому интерпретируется как относительная истина и тем самым – как частный случай более общей и конкретной теории. Характерным случаем такого отношения между старой и новой теорией может служить сформулированный физикой 20 в. «принцип соответствия». Это связано с тем, что более общая теория, возникающая по времени позже, оказывается в то же время и более конкретной. Указанное понимание основывалось у Маркса и Энгельса на диалектико-материалистической интерпретации таких категорий, как всеобщее (общее), конкретное и т.д., и без нее не может быть правильно освещено.

Согласно материалистической диалектике, логический анализ фактов и понятий, относящихся к высшей стадии зрелости исследуемого конкретного объекта, сам по себе дает по существу историческое понимание этого объекта, даже в том случае, когда история, его создавшая, специально и не исследуется.

Маркс так сформулировал отношение между логическим и историческим в ходе научного анализа: «Для того, чтобы развить законы буржуазной экономики, нет надобности писать действительную историю производственных отношений. Напротив, правильное созерцание и дедукция производственных отношений, которые сами сложились исторически, всегда ведет к некоторым первым соотношениям (на манер того, как эмпирически найденные числа в естествознании), которые указывают на прошлое, лежащее позади этой системы. Эти указания, вместе с правильным пониманием настоящего, дают также ключ к пониманию прошлого»⁸. Потому «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны»⁹. Это значит, что низшие формы развития правильно понимаются только в свете тех тенденций, которые полностью выявляются лишь позже, а в составе низших форм заслонены, переплетены со случайностями и потому не видны.

Данное методологическое соображение основано на том, что в результате исторического процесса, т.е. в составе оформившейся, или ставшей, системы явлений, сохраняется и в необходимых ее моментах постоянно воспроизводится история ее собственного происхождения и развития. Чрезвычайно наглядно это демонстрирует, например, *биогенетический закон*. Поэтому вопрос, на первый взгляд чисто методологический, оборачивается объективно-диалектической проблемой – вопросом о том объективно-закономерном соотношении, в котором находятся исторический процесс и его собственные продукты.

Поскольку диалектика развития товарно-капиталистического общества есть частный (и очень характерный) случай диалектики развития вообще, постольку на ней можно проследить решение проблемы отношения логического и исторического в ее общем виде. Теория, т.е. логическое отражение, имеет дело со всеобщими и необходимыми моментами исследуемого предмета. Ее не интересуют те частные моменты, которые имеют место на одной стадии его развития и бесследно исчезают на другой. Но действительно необходимые предпосылки и условия возникновения любой конкретной системы взаимодействующих явлений сохраняются на всем протяжении ее истории. Их исчезновение или разрушение было бы равнозначно разрушению самой системы. Более того, если система развивается, то все необходимые и всеобщие условия ее существования должны быть налицо в постоянно расширяющихся масштабах. С этим и связано то обстоятельство, что любая саморазвивающаяся система взаимодействующих явлений с необходимостью воспроизводит

эти условия и предпосылки (или хотя бы свое отношение к ним) своим собственным движением, т.е. полагает их как свой продукт. Таково отношение капитала к товарной форме, к деньгам, к свободной рабочей силе и т.д. Имея их своими историческими предпосылками, условиями *sine qua non*, капитал активно воспроизводит их как результаты своих кругооборотов и притом во все расширяющихся размерах. Это отношение Маркс прямо рассматривает как всеобщий диалектический закон, имеющий значение для любой «органической системы». «Если в развитой буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазной экономической форме, и если, таким образом, каждое полагемое (*Gesetzte*) есть одновременно предполагаемое (*Voraussetzung*), то это отношение имеет место в любой органической системе»¹⁰. И, наоборот, каждое действительно необходимое следствие существования данной системы необходимо же превращается в условие ее дальнейшего развития, например монополия в развитии капитализма. И поскольку данная конкретная органическая система действительно превратила условия своего возникновения в следствия, в продукты своего самодвижения, она и превращается в относительно самостоятельную форму развития. До этого она была лишь побочным ответвлением исторически предшествующей ей системы явлений. Аналогичным является и отношение, например, человеческой цивилизации к природным, материальным условиям ее возникновения. Она превращает – и чем дальше, тем больше – независимые от нее условия и предпосылки в свой продукт. Условия и предпосылки специфически человеческого бытия, не переставая быть природными фактами, превращаются в «органы» предметного тела цивилизации и, как таковые, активно воспроизводятся ее собственным движением. Условия возникновения системы превращаются в ее следствия, и потому взаимоотношение между разными моментами ее обретает циклический, точнее – спиралевидный, характер. Только при таком условии система развивается и растет подобно снежному кому. Именно поэтому логический, т.е. одновременный, срез через все необходимые системы показывает все эти моменты в той же самой их последовательности, в которой они на самом деле и во времени, т.е. исторически, становились ее внутренне необходимыми компонентами. Например, если товар может быть по существу понят независимо от анализа структуры капитала, но не наоборот, то это свидетельствует и о том, что исторически, во времени, товарная форма [244] сложилась ранее, т.е. была исторической предпосылкой возникновения капитала. Иными словами, явление, более сложное по существу (более развитое), может быть квалифицировано и как более позднее. Поэтому, указывал Маркс, логическое развитие оказывается «ключом к пониманию исторического развития»¹¹.

Вместе с тем Маркс отмечает, что логический анализ ни в коем случае не может руководствоваться просто той последовательностью, в которой рассматриваемые категории исторически играли решающую роль на поверхности исторического процесса, и соответственно той последовательностью, в какой они осознавались людьми¹². Дело в том, что процесс исторического становления системы всегда совершается на почве условий, созданных всем предшествующим развитием и в очень сложном переплетении с массой других процессов. И если категории капитала в теории, раскрывающей лишь внутреннюю логику становления системы, предшествует категория денег и стоимости, то в действительности капиталу предшествовала другая сложная система экономических взаимоотношений, от своеобразия которой теория полностью абстрагируется.

Капитал, возникая вначале как «чужеродное тело» внутри феодальной системы экономических отношений, начинает развиваться в противоположность ей, частью ломая ее формы без остатка, частью сохраняя их и развивая до полного значения те моменты, которые до этого существовали в них в виде побочных и несущественных тенденций. В ходе

этого становления капитал превращает в формы своего собственного самодвижения многие явления, существовавшие задолго до него (например, торговую прибыль, процент и т.п.), откуда и получается видимость, что эти формы, как исторически более ранние, и в логическом анализе должны предшествовать понятию капитала. Однако подобные формы, хотя они и существовали задолго до того, как появился капитал в собственном смысле этого слова, в истории становления капиталистической системы обрели внутреннее отношение лишь там, где независимо от них развившийся капитал превратил их в формы своего специфического движения, и не ранее. Поэтому логическое развитие соответствует лишь той исторической последовательности, в какой совершалась эволюция именно данной, конкретной системы взаимодействующих явлений, а не история в целом, данная непосредственному эмпирическому наблюдению.

Иными словами, логическое соответствует историческому, но лишь понятому в его сути, лишь в подлинной, внутренне необходимой последовательности его моментов, скрытой от непосредственного взора и часто даже обратной по сравнению с ухватываемой им картиной. [Ср. замечание В.И. Ленина о том, что в научной истории философии «хронология насчет лиц» необязательна¹³]. Логический порядок категорий в науке противоречит, таким образом, вовсе не действительной истории данного конкретного предмета, а лишь поверхности явлений и поверхностно понятой истории. А верно понятая логическая последовательность совпадает с верно понятой исторической последовательностью развития данного конкретного объекта науки. Развивая положения Маркса и Энгельса по этому поводу, Ленин определяет логику как «... итог, сумму, вывод *истории* познания мира»¹⁴, отмечая, что «в логике история мысли *должна*, в общем и целом, совпадать с законами мышления»¹⁵.

Диалектико-материалистическое решение вопроса об отношении логического и исторического дает в руки исследователя методологические ориентиры. Например, кажется совершенно естественным, если хочешь познать предмет исторически, прямо начинать с рассмотрения фактов его истории. Однако в этом случае сразу же встает вопрос – чего начинать, с какого момента датировать начало истории этого предмета? Оказывается, что понимание истории предмета зависит от того, как понимается сам этот предмет, т.е. от логического аспекта. [245]

Э. Ильенков

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 13, с. 497.

² Met.VII, 1 1028a10-b3.

³ Избранные произведения. Москва, 1950, с. 292.

⁴ Избранные философские сочинения, т. 1, 1950, с. 303.

⁵ Маркс К. Капитал, т. 1, 1955, с. 82.

⁶ Маркс К. К критике политической экономии, 1953, с. 46.

⁷ Там же, с. 235.

⁸ Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie... Москва, 1939, S. 364-365.

⁹ К критике политической экономии, 1953, с. 219.

¹⁰ Grundrisse..., S. 189.

¹¹ См. там же, с. 565.

¹² См.: К критике политической экономии, с. 221.

¹³ См.: Сочинения, т. 38, с. 360.

¹⁴ Там же, с. 81.

¹⁵ Там же, с. 314.